

УДК 821.161.1'06-3

МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ КООРДИНАТЫ

О. Л. Северинова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
кафедра русской и мировой литературы

В статье рассматриваются особенности нового варианта осмысления и изображения образа войны, сформировавшегося в современной русской литературе в связи реализацией темы локальных войн. Определяются характерные черты модели современной военной прозы, среди которых особое место занимают образы измененных состояний сознания.

Ключевые слова: *модель современной военной прозы, «новый реализм», традиция, образы измененных состояний сознания.*

В статье мы обратимся к рассмотрению того варианта перевода жизненного материала в художественную ткань произведений на тему войны, который складывается на современном этапе бытования русской литературной баталистики. Будучи конечным на данный момент этапом реализации традиции художественной баталистики на временной шкале развития русской литературы, современная военная проза, соответственно, автоматически присваивает себе не только внешние координаты русской прозы о войне 2000-х–2010-х гг., но и, оправдывая такую культурно-историческую уникальность, моделирует собственную оригинальную внутреннюю природу, которую можно выявить и характеризовать лишь при условии разложения ее на составляющие.

Данное утверждение основывается на исходном положении о том, что современная «военная» проза сформировалась (и существует) как один из типов русской литературы о войне, а потому создает не просто современный вариант образа войны, но отдельную, особую модель. Ее отличие от моделей предыдущих образцов прослеживается уже на ядерном уровне – уровне специфической картины мира, представленной в ней. В плоскости современного литературного процесса этот факт коррелирует с феноменом «нового реализма».

В. Пустовая, пытаясь если не выработать четкую дефиницию «нового реализма», то приблизиться к ней через описание, упоминает одну из характерных черт данного явления, которая, нужно заметить, затрудняет сам процесс его теоретического освоения: «Наше литературное время ценно безкружковостью, заведомой свободой отдельно-личностного самоопределения» [7]. Подобная свобода находится в отношениях диалектического противоречия с индивидуально-авторской точкой зрения на результаты творческой деятельности коллег по литературному цеху. Отрицая собственную принадлежность к «новому реализму», авторы не просто дают свое определение данному явлению: этим определением они подтверждают факт существования самой общности (к которой они причисляют ряд писателей-современников и из которой исключают себя). И сам факт отрицания, и это многократное повторение отрицания вырастают в безусловное утверждение «нового реализма» как такового.

Охарактеризуем феномен «нового реализма» с позиций активных представителей современного литературного процесса: «Новый реализм – это литературное направление, отмечающее кризис пародийного отношения к действительности и сочетающее маркировки постмодернизма (“мир как хаос”, “кризис авторитетов”, акцент на телесность), реализма (типичный герой, типичные обстоятельства), романтизма (разлад идеала и действительности, противопоставление “я” и общества) с установкой на экзистенциальный тупик, отчужденность, искания, неудовлетворенность и трагический жест. <...> Внешнюю типичность, банальность жизни герои “нового реализма” ощущают как нечто исключительное, апокалиптическое. Они остро переживают свою трагическую несовместимость со средой и от этого мстят окружающему, прячутся, убегают от него. <...> Новореалистическим произведениям характерна фрагментарность, биполярность, отчаянное желание персонажей всему, в том числе самим себе, противостоять» [3].

В рамках обозначенного выбора в пользу «правды жизни» и «новой искренности» [6] современная военная проза представляет собой уникальное явление. И. Калинин, М. Липовецкий, С. Ушакин и многие другие исследователи, связывая подобную прозу со стремлением целого поколения писателей к проработке психологической травмы исторического, социально-культурного характера, пользуются психоаналитической системой координат и присвоенных ей параметров, разработанных Зигмундом Фрейдом для исследования индивидуального психологического опыта. Отказываясь от использования данного классического гуманитарного метаязыка, мы попытаемся изменить исследовательскую позицию, положение по отношению к объекту исследования, что непременно повлечет за собой перестройку на предметном уровне. Современная русская баталистика принимается за объект, однако ее восприятие расширяется за счет появления дополнительного измерения. Это измерение обнаруживает себя благодаря неклассическому конструкту, параллельному более раннему фрейдистскому, – трансперсональной психологии. Фрейдистская травма и ее теоретически стройное обоснование с четко прослеживающейся обусловленностью уже не выглядит единственным достойным внимания предметом: показателем нового измерения становится релевантный сразу двум системам (современной военной прозе и трансперсональной психологии) феномен измененных состояний сознания (далее – ИСС).

Итак, модель военной прозы современного образца выстраивается с учетом параметров «нового реализма», что, однако, не делает ее полностью свободной от влияний более ранних моделей баталистики. Отметим, что ни одна из этих моделей не выступила в качестве непосредственной традиции-источника для современной литературы о войне. Влияние предшествующего литературного багажа, минимальная общность проявляются лишь в отдельных содержательных и формальных элементах, которые работают в каждом случае на свой ядерный компонент – особый образ мира. Различные базисные представления о внутрисистемных ценностях делают такие элементы не признаком прямой трансляции традиции, а фактом присутствия современной военной прозы в области высокой концентрации смыслов, накопленных веками.

Тип современной военной прозы возникает в русской литературе на материале двух локальных (чеченских) войн (1994–1996 гг. и 1999–2009 гг.). Недавние военные действия на территории Кавказа, имеющие исторические прецеденты, встраиваются и в литературный процесс. Однако на данном этапе происходит не столько приобщение к более ранним вариантам традиций, сколько их разрушение, символичное для современной литературной ситуации вообще. В современной

военной прозе кавказский локус равнозначен мученическому и исключает любые эстетические оценки. Плен здесь внеположен своей более ранней символической природе испытания: теперь нет необходимости приписывать этому своеобразному денотату какое-либо иное оценочное значение, кроме его прямого значения абсолюта насилия и несвободы бытия. Красота – это отрицание и отсутствие одновременно. Романтически окрашенные прекрасной душой одиночки пейзаж и бой обратно пропорциональны эстетической пустоши современной военной прозы, поскольку здесь красота жизни бессильна, а красота войны смертельна. Природа же измеряется в единицах витального качества: болотная вода утоляет жажду, ягоды – голод, грязь и холод – верное начало болезней. Пейзаж не отделен от война, он не является объектом наблюдения и тем более постижения. Утилитарное освоение природы героем, находящимся в опасности, привело к утрате ее сакральной составляющей: «Сволочная природа – зимой непролазная грязь, летом эта чертова пыль, которая во время дождя опять же превращается в тесто» [1].

Современная военная проза прощается не только с эстетической критичностью, но и с традиционной этической оценочностью: ситуация вопроса о нравственном/безнравственном, моральном/аморальном исчерпывается самим фактом войны. С этой точки зрения военной прозе сегодняшнего дня интересно скорее то, что Славой Жижек называет ограничением круга этической заботы: «Наивное этическое сознание никогда не перестает удивляться тому, как одни и те же люди, которые творят ужасное насилие над своими врагами, могут проявлять человеческое участие и нежную заботу о членах своей собственной группы» [4, с. 42]. В современных текстах о войне это явление разворачивается в пространстве, где доминируют одновременно этноцентризм [5] и «утраченное чувство национальной идентичности» [2]. Последнее, как лежащая внутри модели точка-свойство современной «военной» прозы, граничит с вопросом об утрате целостности родины, возникающим в связи с распадом и переоценкой советского порядка. Содержание целого корпуса текстов показательны в плане идеологического выбора их создателей: античеченский пафос, самоопределение через отрицание другого (врага) и его культуры, тотальная дегуманизация противника.

В данной модели художественного изображения войны остается непроявленным ее послыл: здесь дал сбой своеобразный многовековой закон достаточного основания, способный оправдать смерть. Этот послыл не очевиден ни для непосредственных участников войны, ни для мирного населения, поэтому русская литература о войне неожиданно меняет вектор поисков своего центрального персонажа. Он начинает движение растерянного воина-рядового (хладнокровного профессионала из ОМОНа, одновременно добровольца и невольника войны – контрактника) по обочине-пути. Такой воин не имеет объяснений и оправданий разрывающей его сознание событийности и подвержен социальному «автокарантину», вынужденной изоляции, в послевоенное время. Война проводит двойное размежевание, пролонгированный неестественный отбор: первый – между живыми и мертвыми (на войне), второй – между живыми и выжившими (в мирной повседневности). Современная «военная» проза в значительной степени есть рефлексия по поводу такого выживания. Именно с подобной рефлексией наиболее тесно связаны образы ИСС. С помощью образности особых состояний человеческого сознания происходит примирение с вынужденным приобретением онтологического опыта в процессе насильственного массового умерщвления жизни как таковой. Экзистенциальный статус отработанных сознанием проблем на войне можно коротко описать так: решение маргинальных вопросов в маргинальных состояниях.

Кроме самого индивидуально-авторского голоса сознания, конструирующего образ войны в современной баталистике, существует и дополнительная смыслопорождающая надстройка, расположенная вовне, в ином измерении по отношению к военным действиям и ярким послевоенным психологическим реминисценциям. Речь идет об образах, дублирующих мир, – образах СМИ. Они поднимают вопросы рынка, капитала, обладания, насилия и переносят их на солдатский грязный квазичеловеческий быт. Через кривой объектив, избирательно собирающую информационные лучи линзу проходит война настоящая и превращается в образ войны, навсегда простившийся со своей объективностью – прерогативой исторического события. Новостной слепок события вытеснил само событие. Этот глобальный информационный обмен и обман вынуждает героя заняться построением собственной индивидуальной «объективности»: индивидуальная память маргинала играет роль истории, на ее субъективной миниатюрной территории прописывается хроника войны. Государственная летопись в частном сознании, личная история как история страны. Само же художественное произведение, имеющее, как правило, автобиографические основания, также становится в некоторой степени документом, фиксирующим личную историю. Однако не только сознание реконструирует ход событий. Память – это привилегия будущего (читай: привилегия выжившего). В ситуации, когда война – художественное настоящее, а не прошлое, точкой опоры выступает телесность, физиологическое начало, простые биологические процессы, нарушение которых свидетельствует о нарушении принципиальной стабильности жизни вообще (контузия, переохлаждение, язвы, голод и др.). Натурализм и документальная точность становятся в таком типе военной литературы гарантом правды о войне.

В современной военной прозе выброшенным на обочину общественной жизни выглядит не только сам воин, но и его мать: так повторяется ситуация потери-отсутствия большой родины, отсутствия истории страны, их заменяют беззащитная мать, пространство дома детства и личная память. Образ матери в рассматриваемой традиции – один из самых ярких, вобравших в себя весь экзистенциальный ужас локальных войн. Даже проза о Великой Отечественной войне с ее апологией сиротства (в том числе «сиротства» матерей) уступает прозе о чеченских войнах в масштабе провоцируемого ею чувства эмоциональной безвыходности и необъяснимости происходившего и происходящего. Иначе говоря, образ матери – это тот образ, который не позволяет себя понять и «пережить», требует постоянного повторения: он лишает такую литературу катарсического эффекта освобождения. Соединение образов матери-жизни и войны-смерти демонстрирует болезненный разрыв всех возможных связей с предыдущими традиционными системами. Полный этический хаос, эстетический коллапс, идеологический кризис описывают модель современной военной прозы. Смерть в ней не просто противна жизни, но и нелепа, случайна, мучительно болезненна и одновременно осознаема героем как таковая. Мысль о войне как процесс переживания своей конечности, соединенный с осознанием краха прошлого, выглядит мыслью безумца о своем безумном способе существования (выживания). Если в такой системе герою и открывается связь с бытием (так называемым трансцендентальным), то он расплачивается за это потерей устойчивости в обыденном мире. Это еще один путь навстречу изменениям в сознании, дополнительный показатель фрагментарности прозы, пазловой структуры ее сюжета, с многочисленными границами и разрывами, которые заполняются образами ИСС.

Таким образом, современная военная проза в масштабе отношений *мир – его художественная модель* представляется попыткой рационализировать хаос жизни и вернуть ей вид реальности, которую может тестировать человеческое сознание. Центростремительное движение к сознанию человека демонстрирует, что это восстановление должно происходить через работу над внутренними, а не внешними сущностями, поэтому именно образы ИСС можно считать художественными стабилизаторами мира и самой модели.

Список литературы

1. Бабченко А. Аргун [Электронный ресурс] // Новый Мир, 2006. № 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/9/ba7.html (Дата обращения: 15.04.2014).
2. Бродски А. Чеченская война в зеркале современной российской литературы [Электронный ресурс] // НЛО, 2004. № 70. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/br22.html> (Дата обращения: 10.11.2013).
3. Ганиева А. И скучно, и грустно [Электронный ресурс] // Новый Мир, 2007. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/3/ga15.html (Дата обращения: 17.05.2014).
4. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
5. Липовецкий М. Политическая моторика Захара Прилепина [Электронный ресурс] // Знамя, 2012. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/10/li12.html> (Дата обращения: 12.05.2014).
6. Монастырский А. Словарь терминов московской концептуальной школы [Электронный ресурс]. М.: Ad Marginem, 1999. URL: <http://yanko.lib.ru/books/dictionary/m-k-sh/slovar-m-k-sh.htm>. (Дата обращения: 17.05.2014).
7. Пустовая В. Пораженцы и преображенцы [Электронный ресурс] // Октябрь, 2005. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2005/5/pust18.html>. (Дата обращения: 11.05.2014).

**MODEL OF A MODERN MILITARY PROSE:
EXTERNAL AND INTERNAL COORDINATES**

O. L. Severinova

Francisk Scorina Gomel State University
The department of Russian and world literature

The aim of this article is a features of the new version of comprehension and representation of the image of war, which was formed in the modern Russian literature in connection with realization the themes of local wars. In this article are determined the characteristic features of the model "military" prose, among which a special place take images of altered states of consciousness

Key words: *model of a modern "military" prose, "new realism", tradition, images of altered states of consciousness*

Об авторе:

СЕВЕРИНОВА Ольга Леонидовна – аспирант кафедры русской и мировой литературы Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Республика Беларусь, 246019, г. Гомель, ул. Советская, 104), e-mail: olyazolazza@mail.ru